

Рос. вести. - 1992. - 6 окт.

РАКУРС

Летят беспартийные птицы...

Спасет ли Андрей Кончаловский нашу мораль?

«Пускай либералы считают меня кем угодно, но я попытаюсь создать в нашем Отечестве некий комитет спасения морали и киноискусства», — с этими словами известный кинорежиссер Андрей Кончаловский ступил на землю Родины (живет и работает он в Америке) для участия в акции «Неворованное кино». Предполагается, что это мероприятие поможет пресечь хаос в организации кинопроката, а в ходе дискуссий, куда приглашены члены Правительства, депутаты, общественные деятели, удастся выработать модель некоего органа, контролирующего кино и видеопрокат в России. «Зачем вам это?» — спросила я Кончаловского. Оказалось, что дело тут не только в потребности заняться культуртрегерством. Тут еще задето и авторское самолюбие.

— Я — первая жертва прокатного произвола со стороны России. Мне обидно, что не куплена ни одна моя картина (хотя какой только макулатуры не покупают!), в то же время их «катают» по России и в хвост и в гриву. Но беда даже не в том, что затронуты мои авторские интересы, а в том, что зритель получает обезображенные картины из третьих-четвертых рук, с искаженными субтитрами, с вульгарным непрофессиональным переводом — шестую-седьмую копию.

— Что же вы собираетесь предпринять?

— Мы хотим собрать заинтересованные стороны и на различных конференциях обсудить пути создания в нашем кино специального органа, который должен классифицировать фильмы с точки зрения морали. В стране должна существовать морально-этическая цензура и контроль за прокатом. Каждый фильм, как это делается за границей, получает определенную «категорию доступности»: этот — можно смотреть всем, этот — нельзя детям до шестнадцати лет, этот — до восемнадцати лет. Все зависит от языка, образов, от характера показа жестокости, садизма, секса.

Нужен контроль, который, не ущемляя эстетически создателя фильма, ставил бы его тем не менее в определенные рамки. Художник должен знать, что если он снимает картину, в которой «эксплуатирует» секс или насилие, то он тем самым ограничивает круг зрителей. Но нужен контроль и за кинотеатрами. За границей кинотеатры, которые показывают несоответствующей публике несоответствующие фильмы, платят колоссальные штрафы.

Не может быть так: неизвестно что купил и показывай где хочешь. Прокатчикам необходимо будет иметь лицензию. Здесь не обойтись без органов юстиции, так как прокат связан с законом об авторском праве.

— Все это заманчиво... Но один раз в жизни вы уже пытались изменить ситуацию в отечественном кино, когда подали в 80-м году свои предложения председателю Госкино Ермашу и натолкнулись на стену непонимания и равнодушия. Это кончилось тем, что вы уехали из страны. Почему вы думаете, что на этот раз получится?

— Сейчас другой мир, другое время, над страной летают беспартийные птицы и идет беспартий-

ный дым из трубы! Сейчас дело не упирается в группу людей, которые решают, что можно и что нельзя во имя сохранения собственных интересов. Мы живем в другой стране, где можно влиять на общество, на структуры, на управление, где можно зарабатывать деньги и не садиться при этом в тюрьму. Последнее очень важно. Рубль лечит. С его помощью создается совсем другая система, которая не строится специально, а растет сама, изнутри.

— Но рубль и калечит... Во всяком случае сейчас у нас в России, когда мало кого заботит, какой ценой, какими средствами будет создана эта «другая» система. И такому обществу — мораль читать? Нет ли тут фальши?

— Никакой. Все это уже было и в Англии, и в Америке. И у нас идет первоначальное накопление капитала. Бандиты — это основа капитализма. Кеннеди незаконно торговали виски... Потом капитал легализуется. Дети стесняются отцов, а внуки даже знать не хотят своих дедов. Они уже понимают, что грязные деньги — это стыдно. Если секретарь обкома сейчас станет капиталистом, меня лично это устроит. Он больше не будет думать о том, как врать на партсобрании о равенстве и братстве, а будет печется о прибыли.

— Не кажется ли вам, что это несколько циничный взгляд на вещи? И в этом контексте вы хотите создать цензуру? От чего же будет она охранять общественную мораль? От «неприличностей»? Да и стоит ли вводить цензуру в обществе, еще вчера от нее задыхавшемся?

— Стоит. Свободный рынок, рыночная экономика — свобода в государстве начинается со свободы труда, а не со свободы высказывания мыслей.

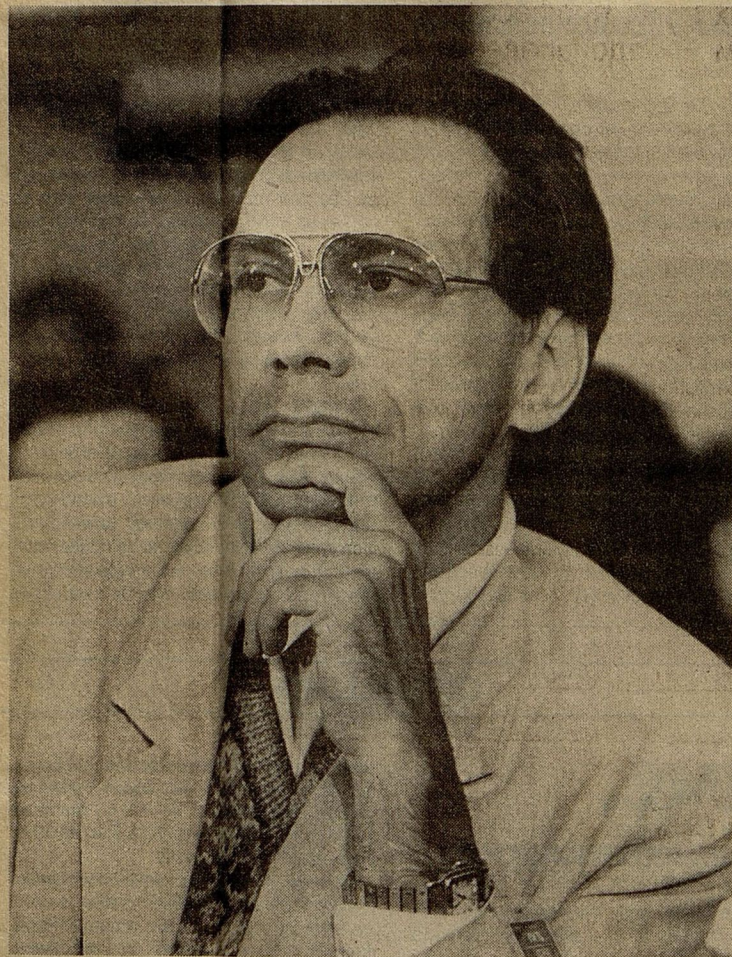
— ?..

— Да идеологическая диктатура редко когда мешала рождению шедевров! Микеланджело, Эль Греко творили в условиях жесточайшей цензуры, но тем не менее продавали свои произведения по той цене, по которой они хотели.

У нас была цензура мыслей. Я же говорю о цензуре этической. И вопрос не в том, имеет или не имеет право художник что-то делать, а в том, что государство имеет право ограждать общество от «аморальной агрессии».

— У вас нет желания вернуться в Россию?

— Ну почему у Бертолуччи никто не спрашивает: «У вас нет желания пе-

реехать обратно в Италию?»

— Да потому, что для Запада это естественно...

— А у Тургенева кто-нибудь спрашивал: «У вас нет желания уехать из Баден-Бадена и писать романы у себя в имении?» Я живу в разных местах, но мой дом — это Москва и Россия. Я хочу возвращаться сюда тогда, когда я хочу, и снимать здесь то, что я хочу. Но есть темы, которые я могу снимать здесь, и темы, которые я должен снимать за рубежом. Они касаются других исторических процессов, людей, характеров. Меня интересуют викинги, Александр Македонский, американский философ Торо. Или, например, русско-еврейская мафия в Нью-Йорке.

— Живя в России, вы снимали очень русские фильмы (за исключением «Первого учителя»). Ленты, снятые в Голливуде, — это американские актеры, американские характеры, американский менталитет...

— Я не согласен с вами в разделении моих картин на русские и нерусские. Американцы считают, что все мои картины, снятые в Америке, «очень русские» (за исключением «Танго и Кэш»). Я же сказал бы так: это картины не русские и не американские, а мои, Кончаловского.

Да, первые три года в Америке мне было трудно. Я это время не работал, потому что многого не знал и не понимал... Но я очень изменился под влиянием западной культуры, или, точнее, — культуры свободного рынка, где очень много рекламы, много ненужной информации, обилие образов, где более быстрый ритм жизни.

Я уверен, что русское кино под влиянием телевидения, рекламы тоже изменится. Оно не будет таким медленным, таким созерцательным. Увы, но оно потеряет эти свои прекрасные качества так же, как потеряло их мировое искусство. Это неизбежно. Созерцательность, которая присуща XIX веку, у нас сохранилась дольше, чем у других народов, только потому, что мы технологически отстали от цивилизации на 60 — 70 лет.

— И об этом ваша последняя картина?

— Нет, «Ближний круг» — это плод моих размышлений о русской ментальности, о тоталитаризме и социализме коммунизма, который все еще существует. У нас еще жива иллюзия возможности свободы равенства и братства.

Я задумал снимать картину «Ася Клячина тридцать лет спустя». Хочу посмотреть на старых своих героев сегодня, сделать комедию.

— Сейчас у нас нет комедий...

— Нет комедий, во-первых, потому что их трудно делать, во-вторых, потому что все думают, что сейчас не время для комедий. Но смешное есть всегда! И Гоголь, и Салтыков-Щедрин, и Достоевский описывали одну и ту же среду... Я хочу сделать комедию о зависти, которая губит перестройку. О той крестьянской зависти, что говорит: «Мне на коже не надо, но и ты ходи в ботинках на резине. Не высовывайся».

— Что ж, посмеемся...

Беседу вела
Татьяна СЕМАШКО.